

А. В. СЕМЕНОВА

Книги эпохи Просвещения и Формирование идеологии декабристов

Движение декабристов, порожденное, прежде всего, объективными потребностями развития России, находилось в тесной связи с общим ходом исторического процесса XVIII–XIX вв.

Большое значение не только для идеологической подготовки Великой Французской революции, но и для развития общественного сознания в других странах имела, как известно, деятельность выдающихся французских просветителей XVIII в. Влияние их произведений на умы оказалось длительным, и сохранялось оно не одно поколение: «Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как и у себя на родине», — писал декабрист Н. И. Тургенев. Французские просветители, по его словам, «как будто предприняли политическое воспитание европейского континента»^{*}.

В XVIII в. интерес в России к идеям западноевропейской просветительской философии был велик. Теории общественного договора, естественного права, равенства всех перед законом, суверенитета народа, вера в силу общественного мнения, в право каждого человека на свободу проникали в общественное сознание русских людей.

Распространению трудов просветителей в России в начале XIX в. способствовало известное ослабление цензуры в первые годы царствования Александра I. В это время печатались переводы сочинений Руссо, Монтескье, Вольтера, А. Смита, Беккария¹, Г. Рейналя². Труды этих авторов можно было приобрести и в оригиналах, поступавших в Россию разными путями. Так, декабрист

^{*} Тургенев, Н. И. Россия и русские. — М., 1915. — С. 60.

Н. Р. Цебриков вспоминал о своем знакомом капитан-лейтенанте Лермонтове, который «премного» привез «либеральных» сочинений из Портсмута*.

Будущие декабристы и их единомышленники были в числе увлеченных читателей произведений западноевропейских просветителей. Эти сочинения были широко представлены в библиотеках членов тайных обществ, во многих случаях унаследованных от родителей. Таковы библиотеки П. И. Пестеля, Никиты Муравьева, Ф. П. Шаховского, Н. И. Тургенева, братьев Бестужевых и других. Большое число каталогов подобных собраний не сохранилось.

Весьма характерны библиотеки вождя и идеолога декабристов П. И. Пестеля. Далеко не полный каталог библиотеки Пестеля, составленный после его казни, содержит названия собраний сочинений Монтескье, Гельвеция; указан сборник произведений публицистов XVIII в., в том числе Дидро, Вольтера, Руссо, вышедший в Париже в 1814 году.** Библиотека Пестеля была обширна, «во всю длину его немногих комнат, — вспоминали впоследствии его товарищи, — тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими и вообще ученого содержания и всевозможные конституции»***. Формированию вольномыслия Пестеля в молодые годы способствовало чтение французских книг из богатой библиотеки его родителей. Впоследствии эти книги перешли к сестре декабриста С. И. Пестель. Открывается каталог библиотеки полным французским изданием «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера; в библиотеке имелись многотомные сочинения Руссо, Монтескье, Мармонтеля [3] и других западноевропейских просветителей****. Наличие такого книжного собрания в доме крупного чиновника (отец декабриста был московским почт-директором, а затем в течение тринадцати лет сибирским генерал-губернатором), имевшего весьма консервативные взгляды, само по себе показательно. Этот факт является характерной чертой «духа времени» и свидетельствует о степени распространения просветительской философии в России.

* Восстание декабристов. — М.; Л., 1926. — Т. 2. — С. 312.

** Зайончковский, П. А. К вопросу о библиотеке П. И. Пестеля // Историк-марксист. — 1941. — № 4. — С. 87–89.

*** Лорер, И. И. Записки декабриста. — Иркутск, 1984. — С. 67.

**** ОР РНБ. — Ф. 531. — Ед. хр. 881. — Л. 1–2; см. также: Семенова, А. В. Декабрист П. И. Пестель и его семья // Москва. — 1975. — № 11. — С. 195.

Ценные сведения о характере воздействия трудов просветителей на членов тайных обществ 20-х годов XIX в. содержат материалы процесса декабристов. На следствии в 1826 г. почти каждому из них задавался традиционный вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то есть от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно?». Большинство декабристов в числе разных факторов отмечали определенное влияние на формирование их воззрений произведений французских публицистов. Иногда это общие формулировки о чтении «политических книг» или «французских книг» — таковы показания И. И. Пущина, Е. П. Оболенского, П. Г. Каховского, А. А. Бестужева, М. Ф. Митькова, С. И. Муравьева-Апостола, Д. А. Искрицкого, С. Н. Кашкина, А. О. Корниловича, А. И. Черкасова, И. В. Киреева, П. Ф. Выгодского, В. М. Голицына. «Чтение некоторых французских сочинителей нечувствительно разливало во мне яд вольномыслия», — писал Ф. Ф. Вадковский. «Все, что касается до составления и управления общества вообще, все это я пожирал с умом жадным и любопытным», — замечал А. В. Поджио*.

Чаще же в следственных делах встречаются указания на конкретных авторов и их труды. Круг мыслителей, объединенных Дидро вокруг издания «Энциклопедии», был особенно близок декабристам. А. М. Муравьев, по его словам, был «прельщен», читая Руссо, Вольтера, Монтескье. М. А. Фонвизин, А. Н. Муравьев, М. П. Бестужев-Рюмин, Н. А. Крюков, Н. П. Репин, П. П. Беляев, П. А. Бестужев, П. Н. Свистунов, И. А. Анненков, М. Д. Лаппа, М. А. Назимов, А. И. Сабуров, Г. А. Перетц, П. Ф. Громнитский писали о воздействии на них произведений тех же авторов. Пестель внушал товарищам мысль о необходимости чтения Вольтера и Гельвеция, «рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина», подчеркивал, что без их понятий нельзя быть полезным «ни себе, ни обществу, ни отечеству». Список имен русских авторов и западных просветителей, способствовавших «развитию либеральных понятий», составил В. И. Штенгель. «Я читал Княжнина „Вадима“ (даже печатный экземпляр), — писал декабрист, — Радищева „Поездку в Москву“,

* Восстание декабристов. — М., 1954. — Т. 11. — С. 37, 230; Семенова, А. В. Дидро и декабристы // Великая французская революция и Россия. — М., 1989. — С. 368.

сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция <...> из рукописных разные сочинения <...> Грибоедова и Пушкина»; «всей душою предан был энциклопедистам» С. М. Семенов*.

Для С. Г. Волконского в 1815 г. истины, содержащиеся в сочинениях Кондильяка и Мабли, представлялись «слишком бесспорными». И. Д. Якушкин посвятил в своих воспоминаниях несколько строк члену Северного общества Н. П. Репнину. «Воспитанный под руководством своего дяди адмирала Карцева, отъявленного вольтерянца», Репнин «в молодых еще летах ознакомился с французскими писателями осьмнадцатого века и принял их общие воззрения на предметы», — писал Якушкин. Увлекался чтением Вольтера, Руссо, энциклопедистов А. П. Беляев. Особенно подействовала на него статья Вольтера о фанатизме. В записке, составленной в 1826 г. III Отделением Собственной его императорского величества канцелярии об известном литераторе, члене Союза благоденствия и Военного общества П. А. Катенине, указывалось: «Вышедши на 14 году в свет, с умом быстрым и пылким характером, с страстью к литературе и чтению, он бросился на философический словарь Вольтеров и все творения энциклопедистов, а имея необыкновенную память, испестрил ум свой блесками и мишурою, которые казались драгоценными предметами молодым офицерам». Высокую оценку деятельности просветителей оставил А. А. Бестужев. «Вольтер с дружиною энциклопедистов, — отмечал писатель-декабрист, — был трибуном своего века, представителем своего народа»**. Документы свидетельствуют, что среди первых русских революционеров, внимательно изучавших произведения французских мыслителей XVIII в., были и руководители движения, и рядовые члены тайных обществ.

Отдавали должное выдающимся умам века Просвещения также прогрессивные украинские общественные деятели, тесно связанные с декабристами. Классик украинской литературы И. П. Котляревский «трактовал Вольтера», а в библиотеке его широко были представлены «философы XVIII века». Известный

* Восстание декабристов. — М., 1976. — Т. 14. — С. 176–177; Записки Д. Н. Свербеева. — М., 1899. — Т. 1. — С. 105.

** Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву. 1814–1815 // Каторга и ссылка. — 1993. — Кн. 2 (99). — С. 104; Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. — М., 1951. — С. 132; Литературное наследство. — М., 1939. — Т. 16. — С. 628.

украинский просветитель, противник крепостничества Г. С. Винский вспоминал: «Первый Вольтер захотил меня читать и рассуждать <...> Ежели когда-нибудь настанут времена правды, тогда великие умы XVIII столетия, истинные благодетели рода человеческого, получают все им принадлежащую честь и признательность». Служивший воспитателем в дворянских семьях Г. С. Винский обучал своих учеников французскому языку на сочинениях энциклопедистов. По его словам, одна из его учениц «через два года понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли — переводила без словаря»*.

Национальные по своим задачам и способам их решения конституционные проекты первых русских революционеров впитали лучшие достижения передовой для того времени буржуазной философской мысли, ее антифеодальную, антимонархическую направленность. Идея торжества разума, примата закона, народного суверенитета, ненависть к деспотизму пропитывают конституцию Никиты Муравьева и «Русскую правду» Пестеля. Особенно большое воздействие на политические взгляды Пестеля и Никиты Муравьева, как и на воззрения некоторых других декабристов, оказали произведения Монтескье. Обоснованный им буржуазный принцип разделения властей, а также созданная им схема форм правления (республика, монархия, деспотия) были использованы в политических проектах, вышедших из-под пера декабристов.

Интересный конспект сочинения Монтескье «О духе законов» был сделан декабристом В. Ф. Раевским, ведущим пропаганду среди солдат, хотя он и не считал себя «безусловным читателем французского мыслителя», однако внимательно изучил его труд. Он обратил особое внимание на критику деспотизма в этом произведении, выделил парадокс, отмеченный Монтескье: «Все люди равны в республиканском правлении; они все равны и в деспотическом правлении; в первом — оттого, что они составляют все, во втором — оттого, что они ничего не значат»**.

* Г. Котляревський у документах, спогадах, дослідженнях. — Київ, 1969. — С. 361; Винский, Г. С. Записки. «Мое время» // Русский архив. — 1877. — № 1. — С. 87; № 2. — С. 183.

** Бейсов, П. С. Новое о Раевском // Ученые записки Ульяновского гос. педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник. — Ульяновск, 1949. — С. 255.

Делал выписки из этого знаменитого труда Монтескье также К. Ф. Рылеев. Поэт-декабрист обратил особое внимание на разработку французским мыслителем вопросов прав и обязанностей народа (подданных) и правительства, отношений между ними. «Не должно, чтобы правительство для удовлетворения мнимых своих нужд отнимало у народа потребное для удовлетворения нужд действительных», — отметил Рылеев мысль Монтескье. Продолжая штудировать сочинение философа, он записал далее: «Ничто с такой мудростию и благоразумием не должно управляться, как та часть, которую берут у подданных, и та, которую им оставляют»^{*}.

Привлекали многих декабристов также атеистические воззрения просветителей. Сохранилась записная книжка члена Южного общества Н. А. Крюкова с выписками из сочинений Дидро, Гольбаха и других философов. Крюков составил краткий конспект русского перевода знаменитой «библии материализма» — труда Гольбаха «Система природы». Декабрист оставил философские рассуждения, где он предстает прямым последователем выдающихся философов материалистов XVIII в. В показаниях на следствии он ярко описал эволюцию своего мировоззрения к свободомыслию под воздействием чтения антирелигиозной литературы XVIII в. и собственных размышлений: «Пылая любовью к человечеству, но нетвердый в христианской религии, я смело шел вперед <...> Во-первых, отверг многие богослужебные обряды, как нелепые обычаи, питающие лишь суеверие. Потом стал сомневаться в ипостасной троице, как неудобопостижимой для ума человеческого». С помощью чтения Гольбаха⁴, Кондильяка⁵ и других философов Крюков, по его словам, «утвердился еще более в прежних <...> мнениях». «Надежда на будущую жизнь, — думал декабрист, — отвращает от просвещения, питает эгоизм, способствует угнетению и мешает людям видеть, что счастье может обитать на земле». Критика философии религиозной покорности и невежества непосредственно вела к атеизму и политическому вольнодумству. «Долго не решался я отвергнуть бога, — заключает Крюков, — наконец, оживотворив материю <...> потушил едва мелькавший свет чистой религии»^{**}. Такой путь философских исканий проделал не один декабрист.

^{*} Литературное наследство. — М., 1954. — Т. 59. — С. 324.

^{**} Восстание декабристов. — Т. 11. — С. 371.

Большим авторитетом в передовых кругах русского общества пользовался Дидро. Его отдельные высказывания в качестве афоризмов, любопытных наблюдений широко цитировались членами тайных обществ, в переписке, дневниках. Рылеев предполагал коснуться пребывания Дидро в Петербурге при описании двора Екатерины II в одном из задуманных, но неосуществленных произведений о движении украинских казаков.

Декабристы, как и их передовые современники, понимали отличительную черту своей эпохи, «дух времени», характеризовавшийся распространением революционных мыслей, огромной ролью общественного мнения, направленного против старых порядков. Вспомним характеристику времени, сделанную Пестелем: «Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями...». Формулировка Пестеля поразительно созвучна мыслям Дидро, высказанным им в письме к Е. Р. Дашковой в 1771 г.: «У каждого века есть свой отличительный дух. Дух нашего времени — дух свободы»*.

Многие члены тайных обществ декабристов переводили сочинения философов-материалистов. Так, П. И. Борисов занимался переводом трудов Вольтера и Гельвеция, Н. А. Крюков — Кондильяка и Гольбаха. Затем с этими переводами они знакомили товарищей.

Проблема распространения и популяризации сочинений просветителей занимала не только декабристов, но и близких им по духу людей, не входивших формально в тайные общества. Так, в 1822 г. у П. А. Вяземского появилась мысль издать сборник произведений французских просветителей в переводе на русский язык со сведениями об авторах. «Вот материалы, которые я взялся бы поставить, — писал он В. А. Жуковскому, — несколько писем Вольтера, отрывков из Энциклопедии, разумеется, из статей литературных и философических, из Даламберта лучшие места, из “Essai sur les gens de lettres” или все сполна, потому что оно недлинно и занимательно». Распределяя возможную будущую работу для составителей и переводчиков, Вяземский продолжал в том же письме: «А я, грешный, взял бы на себя французов, которых я очень люблю в лицах Вольтерова, Даламбертова, Дидеротова и многих других»**. Идея издания подобного сборника,

* Восстание декабристов. — М.; Л., 1927. — Т. 4. — С. 105.

** Гилельсон, М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. — Л., 1969. — С. 70.

популяризовавшего взгляды просветителей, вполне отвечала курсу декабристов на создание в стране передового общественного мнения. Однако замышляемый труд не увидел света. В настоящее время установлено, что Вяземский перевел для планируемого издания отрывки из сочинений Руссо, Дидро и некоторых других авторов. В этих переводах осуждался абсолютизм, подчеркивалось преимущество «просвещенной государственности».

Записные книжки Вяземского, которые он вел много лет, также включают многочисленные выписки из сочинений Дидро, Вольтера, Монтескье. Вяземский отразил в записных книжках главные положения «Духа законов» Монтескье, упомянул о сочинениях Вольтера: тираноборческой трагедии «Брут» и «Опыте об эпической поэзии», с одобрением процитировал высказывания Дидро из его сочинений «Прибавления к философским мыслям», «Письма о глухих и немых», «О драматической поэзии» и других трудов. Цитаты, приведенные Вяземским, очень выразительны; они касались как общих мировоззренческих вопросов, так и сущности монархической власти, прав народа, значения революций. Вяземский восхищался глубиной мыслей Монтескье: «Душа республиканского правления: добродетель; монархического: честь; деспотического: страх. Светозарное разделение Монтескье. Здесь глубокомыслие кроется под остроумием. Сначала пленишься им, а после убедишься». Автору записных книжек были близки атеистические мысли Дидро: «Ты будешь рождать в муках, сказал бог согрешившей женщине. А что ему сделали самки животных, которые тоже рожают в муках?». Продолжая цитировать Дидро, Вяземский записывал далее: «О христиане! Итак, у вас два различных понятия о благости и злобе, истине и лжи. Вы, следовательно, нелепейшие из догматистов»*. Выписки, сделанные Вяземским, свидетельствуют о его сочувствии идеям французских просветителей.

Влияние взглядов одного из них — Руссо — ощущается также в весьма расплывчатых идейных установках «Общества независимых», существовавшего в Одессе в 1822–1824 гг. Не связанное формально с движением первых русских революционеров, это

* Вяземский, П. А. Записные книжки (1813–1848). — М., 1963. — С. 37, 52, 53; Нечаева, В. С. Французская литература и П. А. Вяземский в преддекабристскую эпоху // Литературное наследство. — М., 1937. — Т. 31/32. — С. 78–80.

дружеское объединение, где преобладали в основном «купеческие сыновья», сливалось с декабризмом в едином антифеодальном русле. Закон «Общества независимых», как формулировал его один из членов, — «следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть всем равными, признавать натуру творцом всего»*.

Декабристы, изучая произведения просветителей, невольно обращали внимание также на издателей этих сочинений в России. Так, в поле зрения членов тайных обществ в Москве и Петербурге попали известные книгоиздатели — купцы С. О. Селивановский и В. А. Плавильщиков. Оба отличались передовыми воззрениями, издавали помимо книг русских авторов переводы сочинений Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, других известных философов и экономистов. Оба издателя содержали при типографиях библиотеки новейшей литературы, где имелись труды французских просветителей. Общественное значение деятельности Селивановского и Плавильщикова хорошо сознавалось декабристами. Они считали, что Селивановский, не являясь членом тайного общества, «содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих»**.

Декабристы, отдаленные от века Просвещения двумя десятилетиями, могли в известной степени понять историческое значение деятельности просветителей, идейно подготовивших Великую Французскую революцию. Это не могло не вдохновлять первых русских революционеров. Еще в 1807 г. восемнадцатилетний Николай Тургенев назвал философов эпохи Просвещения особенными. Будущий декабрист пришел к пониманию последствий их деятельности; они, по его выражению, были «причинами французской революции»***.

Спустя много лет в сибирской ссылке другой декабрист, М. А. Фонвизин, подчеркнет «необыкновенное вольномыслие» в решении самых важных философских, нравственных и политических вопросов <...> французских энциклопедистов Вольтера, Д'Аламбера, Дидро»****.

* Оксман, Ю. Г. А. Е. Кольцов и тайное «Общество независимых» // Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. — Саратов, 1959. — С. 168.

** Восстание декабристов... — Т. 14. — С. 166.

*** Архив братьев Тургеневых. — СПб., 1911. — Вып. 1. — С. 51, 54.

**** Фонвизин, М. А. Сочинения и письма. — Иркутск, 1982. — Т. 2. — С. 411.

Таким образом, правомерно говорить не о заимствовании, а о критическом осмыслении декабристами идеологии Просвещения, использовании ее применительно к конкретным задачам политических и социально-экономических преобразований в России.

Анна Владимировна Семенова
(род. 1948)

Главный научный сотрудник ИРИ РАН, Доктор исторических наук (1990 г.), профессор (1995 г.), академик РАЕН (2001 г.), специалист по истории русской общественной мысли XVIII–XIX вв. и движению декабристов.

А. В. Семенова
Книги эпохи Просвещения
и Формирование идеологии декабристов

Печатается по: Семенова, А. В. Книги эпохи Просвещения и формирование идеологии декабристов // Книга в России XI–XX века / Редкол.: Е.А. Савельева (отв. сост.) и др. — СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 2004. — Вып. 21. — 2004. — С. 79–87.

¹ *Чезаре Беккариа (1738–1794)* — итальянский правовед, представитель просветительской мысли. Автор трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764).

² *Гийом Тома Франсуа Рейналь (1713–1796)* — французский просветитель, автор «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (Т. 1–6, 1770), выступал с осуждением колониализма.

³ *Жан Франсуа Мармонтель (1723–1799)* — французский писатель, автор ряда статей в «Энциклопедии».

⁴ *Поль Анри Гольбах (1723–1789)* — систематизатор материалистических и атеистических идей эпохи Просвещения. Автор «Системы природы» (1770).

⁵ *Этьен Бонно Кондильяк* — см. примеч.8 к статье М. В. Разумовской.

Владимир Федосеевич Раевский
(1795–1872)

Декабрист, писатель, воен. педагог. В 1811 г. окончил Московский благородный пансион. Участник Отечественной войны 1812 г. Член «Союза благоденствия» и «Южного общества», один из основателей Кишиневской управы декабристов. Друг А. С. Пушкина. В 1817–1818 гг. Раевский увлекается философскими проблемами. Об этом свидетельствуют работы «Одинакая целость смысла», переводы из Монтескье и др. В эти же годы поэт переходит к философской лирике. Его привлекают вопросы мироздания («Песнь природе», «Элегия к осени»). В архиве Раевского сохранились вольнолюбивые стихи, мемуары и политические заметки 1821–1822 гг.